

дены бронзовый брусочек, каменный грузик и обломки железных предметов. В материке разобрана хозяйственная яма, в которой встречены фрагменты исключительно лепной посуды конца I тыс. н. э. и терочник.

В. Я. Конечкий

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕЛИЩА В УРОЧИЩЕ ГУБИНСКАЯ ЛУКА НА Р. ЛОВАТЬ

В 1990 г. экспедицией Новгородского музея было продолжено исследование комплекса памятников в урочище Губинская Лука, находящемся в самом центре сгустка ловатских сопок. Данный комплекс состоял из сопки и соответствующего ей селища. Селище располагалось в 50 м к юго-востоку от сопки и в 130 м к северо-западу от основания коренного берега. Его размеры, судя по внешним признакам, составляют примерно 40×80 м. В 1990 г. была вскрыта площадь 604 кв. м. Стратиграфия памятника оказалась весьма простой. На большей части раскопа под слоем пахоты толщиной 20—30 см был материк. При этом распашкой не только был перемешан культурный слой, но и подрезан материковый грунт, так что материковые ямы сохранились не на полную глубину. В северной части раскопа слой пахоты достигал местами более полуметра. Это произошло за счет постепенного сползания грунта вследствие уклона местности. Ниже пахотного слоя здесь зафиксирован темно-серый слой мощностью до 0,3 м, по характеру являющийся предматериком, т. е. материком, гумусированным за счет вышележащих напластований. Не исключено, что в древности здесь наблюдалась повышенная концентрация органических остатков (например, навоза). Горизонт камней, обычный на селищах культуры сопок, на данном памятнике выражен очень слабо. Лишь в северной части раскопа встречались незначительные скопления булыжников. В пределах раскопа вскрыта 41 яма различных размеров и конфигураций. Отсутствие органических остатков от древних построек, а тем более плохая сохранность культурного слоя значительно снижают возможность для реконструкции объектов, связанных с ямами. Однако, вскрытие значительной площади позволяет разделить типологически ямы на разных участках раскопа и на основе этого сделать некоторые выводы о планиграфической структуре поселения.

В юго-западной части раскопа преобладают ямы средних размеров округлой или подквадратной формы. Наиболее выразительными из них являются ямы 5 и 10, в которых встречено большое количество булыжников. Данный факт может быть расценен как свидетельство об остатках отопительных устройств, составлявших единые комплексы с исследованными ямами (следует упомянуть, что между ямами 5 и 10 находилось наземное компактное скопление камней, также могущее быть переотложенными остатками печи или очага). В целом комплексы, подобные вскрытым на данном участке, в археологической литературе определяются обычно достаточно расплывчатым термином «хозяйственные ямы». Не имея оснований для надежной интерпретации отдельных ям, укажем лишь на некоторые типы сооружений, о которых можно говорить как весьма вероятных в конкретном культурно-историческом контексте. Ими могли быть производственные комплексы, легкие летние кухни, сооружения для сушки снопов — овины и т. п.

В средней части раскопа значительно преобладают круглые в плане небольшие ямы, безусловно определяемые как столбовые. Некоторые из них имели каменную забутовку. Судя по материалам прежде всего Старой Ладogi на славянских поселениях Северо-Запада возможны такие постройки столбовой конструкции, как и амбары и хлева для скота.

Северо-западнее зоны распространения столбовых ям зафиксированы три большие ямы вытянутых пропорций длиной 3,6—4 м (ямы № 35, 36, 39). Представляется возможным соотнести эти ямы с подпольными котлованами жилищ. Подобные жилища представляют собой квадратные в плане наземные срубы. Котлованы, занимающие по площади треть жилого пространства, шли вдоль одной из стен. В одном из концов котлована, соответственно в углу жилища на деревянном опечке находилась печь-каменка. Остатки подобных жилищ открыты за последние десятилетия на ряде селищ Приильменя (Нестеровичи, Золотое Колено, Заозерье, Коровитчино). По своей историко-культурной принадлежности они связаны на Северо-Западе с носителями культуры сопок. Обращает на себя внимание стабильность ориентировки этих ям, а следовательно, и жилищ на исследуемом поселении.

Наибольшую трудность пока представляет интерпретация дугообразной ямы в северо-западном конце раскопа, уходящей за его пределы. Этот ров может быть предположительно определен как фрагмент культового или погребального сооружения. Проверка последнего предположения представляется весьма

важной ввиду актуальной проблематики, связанной с характеристикой массового погребального обряда культуры сопок.

На поселении встречено 34 индивидуальных находки. В целом состав коллекции достаточно типичен для сельских поселений конца I тыс. н. э. на Северо-Западе. Среди находок представлен широкий ассортимент ножей, среди которых имеются миниатюрные формы. Встречен экземпляр с узким удлиненным клинком. Интересно, что среди данной категории отсутствуют ножи с лезвием, отделенным от черенка уступом, частые на поселениях культуры сопок, и наоборот — представлены экземпляры, у которых лезвие составляет прямую линию с черенком, более характерные для культуры длинных курганов.

Среди других железных предметов отметим два фрагмента, принадлежащих, видимо, наральникам или сошникам. К элементам конской упряжи принадлежит железная овальная пряжка.

Изделия из цветных металлов немногочисленны. Они представлены, прежде всего, двумя перстнями треугольными в сечении: бронзовым и серебряным. Представляет интерес факт находки бронзового височного проволочного кольца. Подобные предметы на памятниках эпохи сопок встречаются достаточно редко. Среди глиняных предметов имеются 4 пряслицы, 3 из которых — биконические с резко выраженным ребром, а одно — характеризуется значительной высотой и более плавным профилем. Кроме того найдена глиняная льячка обычной для памятников Северо-Запада второй половины I тыс. н. э. формы. Встречены также обломки двух сланцевых оселков.

Из приведенного перечня хронологически выпадают две находки. Одна из них — конский ледоходный шип с округлыми краями платформы. Данный тип появляется около XIII в. Другая — слабоизогнутое круглое в сечении звено от двухчастных конских удиц, относящееся к позднему средневековью.

В 1990 г. на исследуемом памятнике найдено около 1390 фрагментов лепной и 80 фрагментов гончарной керамики. Гончарные фрагменты представляют развитые средневековые типы. Их подборка в целом весьма выразительна. Примерно половина венчиков принадлежит сосудам из теста с достаточно легкими примесями, хорошего обжига и характеризуется S-образным профилем. Этот тип широко представлен на памятниках XIII—XIV вв., причем Е. А. Рябинин приводит данные о его полном преобладании на некоторых памятниках в слоях XIV в. Остальная керамика, в подавляющем большинстве белоглиняная, может быть датирована XV—XVI вв. В этот же период появляются и сосуды серого цвета с утолщенным округлым венчиком. Таким образом, время отложения позднегончарной керамики на

исследованном участке, на наш взгляд, может быть предварительно отнесено в XIV—XV вв.

Следует подчеркнуть, что в пределах раскопа не встречено ни одного комплекса, содержащего описываемую керамику. Вся она происходит из пахотного слоя.

Безусловно опознаваемой раннегончарной керамики найдено лишь 3 черепка. Среди них — 1 фрагмент верхней части сосуда и 2 фрагмента стенок. Все они имеют линейный в сочетании с накольчатый орнамент. Насколько можно судить по имеющимся фрагментам о формах соответствующих горшков, а это касается не только венчика, но и одного из фрагментов стенок, принадлежавшего своеобразному горшку с прямым венчиком и рельефными валиками (тип III по Г. П. Смирновой), данная керамика может быть отнесена к X в., т. е. к периоду совместного бытования лепной и гончарной посуды.

В стратиграфическом отношении два из рассматриваемых фрагментов происходят из слоя, а один — венчик — из закрытого комплекса (столбовой ямы № 18).

Лепная керамика характеризуется, как обычно, грубым тестом с примесью дресвы или песка и, в ряде случаев, весьма слабым обжигом. В составе данного керамического комплекса можно выделить два типа сосудов.

Первый — это горшки с небольшим четко выраженным венчиком, вертикальным или отогнутым наружу. Второй — менее профилированные сосуды плавных очертаний. Естественно, граница между этими типами достаточно расплывчата. Формы более мелкой по размерам столовой посуды аналогичны. Из общего ряда здесь выпадает лишь цилиндроконический сосуд, очевидно, миска. В целом рассмотренная керамика имеет широкий круг аналогий на памятниках Северо-Запада.

Вместе с тем необходимо отметить, что культурные связи данного памятника идут и в южном направлении. Характерные для этого пункта горшки эсвидного профиля с небольшим венчиком широко представлены в культурах смоленских длинных курганов, роменско-боршевской и опосредованно на памятниках типа Корчак, т. е. на коренных славянских территориях Южной Руси. В полной мере это относится и к глиняным сковородкам, которые абсолютно не характерны для памятников Северо-Запада (см. статью А. В. Плохова в настоящем сборнике). Кроме того, бросается в глаза практически полное отсутствие на исследуемом памятнике керамики «ладожского типа» — горшков с четко выраженным ребром при переходе от тулова к венчику. Подобная керамика составляет значительный процент на сельских и раннегородских памятниках севернее Ильменя и традиционно считается характерной для культуры сопок.

Вопрос о датировке селища достаточно сложен из-за отсутствия среди вещевых находок типов, имеющих узкие даты. Поэтому мы можем опираться лишь на анализ керамики и некоторые косвенные аргументы. Решающее значение здесь имеют находки нескольких фрагментов раннегончарных сосудов, в том числе и в закрытом комплексе. Появление раннегончарной керамики на памятниках Северо-Запада в настоящее время определяется рубежом IX—X вв. Очевидно, около этого времени и существовало исследуемое селище.

Несколько конкретизировать дату позволяют планиграфические наблюдения. Можно с достаточной уверенностью утверждать, что поселение существовало довольно короткий срок, видимо в течение одного строительного периода, поскольку вскрытые объекты ни разу не перерезают друг друга. Этот срок предварительно может быть определен в несколько десятков лет. Причина такого явления достаточно ясна. Хозяйственная зона здесь является минимальной на фоне других пунктов с сопками в долине Ловати. Площадь пойменной террасы составляет, как уже упоминалось, лишь 12 га. Очевидно, из-за истощения почвы, неизбежного при переотложном земледелии, население было вынуждено довольно быстро покинуть это место. Таким образом, при нынешнем состоянии источников, предварительно, как наиболее вероятную, следует назвать дату — конец IX—начало X вв.

Материалы, полученные при раскопках селища в урочище Губинская Лука, позволяют поставить ряд проблем, по своему значению выходящих за рамки данного памятника и имеющих значение для понимания культуры сопки в целом.

Прежде всего это касается определения территорий, откуда пришли славяне на Северо-Запад. Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют предполагать, что различные группы, составляющие население конца I тыс. н. э. в Приильменье, имели различное происхождение. Традиционное противопоставление южно-русских земель и западно-славянских территорий, прилегающих к Балтийскому побережью, как исходных плацдармов для колонизации Приильменья, видимо, уже устарело. Более правомерным представляется признание обоих импульсов. И если распространение реберчатой керамики в Приильменье вполне обоснованно можно связать с западно-славянским компонентом населения, то характер керамического материала Южного Приильменья может свидетельствовать о притоке славян с юга.

И вторая, не менее важная, проблема связана с характером социальной структуры общин, возводивших сопки. Анализ рас-

пределения остатков жилищ и хозяйственных сооружений на исследованной части поселения показывает, как уже отмечалось, их четкую зональность. Факт разделения жилой и хозяйственной зон на поселениях, т. е. отсутствие индивидуальных усадеб с комплексом хозяйственных построек в литературе, обычно рассматривается как свидетельство общего ведения хозяйства всеми членами общины. Таким образом, коллектив, оставивший данный комплекс памятников, может быть охарактеризован как патриархальная семья или семейная община.

О. В. Клубова

ИССЛЕДОВАНИЯ В УРОЧИЩАХ КУРСКАЯ ГОРА В 1990 ГОДУ

В полевой сезон 1990 г. отрядом экспедиции Новгородского музея были продолжены исследования в урочище Курская Гора в верховьях р. Луги — начаты раскопки селища. Работы финансировались Новгородским областным советом ВООПИиК.

Селище располагается в северо-западной части урочища, в 30 м к западу от холма городища и занимает пологий склон моренной гряды, равномерно понижающийся к западу. Карьером уничтожена южная часть памятника. Размеры сохранившейся части селища — 60×40 м.

Вдоль границы карьера был заложен раскоп площадью 242 кв. м. Культурный слой селища мощностью от 0,3 до 1,1 м имел сложную стратиграфию. Непосредственно под дерном шел гумусированный суглинок темно-серого цвета мощностью от 30 до 45 см, насыщенный известняковыми плитками небольших размеров, подвергавшийся распашке. При его разборке встречено более 100 кусков шлака, мелкие фрагменты лепной и белоглиняной керамики, в небольшом количестве — кости животных. Какие-либо пятна и сооружения в этом слое отсутствовали.

Ниже располагался слой черного гумуса, который был распространен практически по всей площади раскопа, за исключением его восточного угла. Мощность его постепенно увеличивалась в направлении восток-запад и у северо-западной границы раскопа достигала 0,6—0,7 м. В этом слое зафиксировано несколько углистых пятен и отдельные скопления камней, два из которых могут быть связаны с остатками печей или очагов. В слое черного гумуса встречено большинство находок из раскопа и исключительно лепная керамика. Здесь же найдено значительное количество костей животных.